

Творческий клуб

Выпуск
№ 2

«ЗЫБЧАНЫЕ»

Иван
СОЛОВЬЁВ

ПОДРУГА СИНЕОКАЯ (песня)

Что ж, ты подружка моя
синеокая?
Что же ты мне
не подаришь тепла?
Что же не придешь и меня
не порадуешь,
Вспомни, что было вчера...
Вспомни, как нежно
с тобою простились:
Ты обещала вечно любить...
Брови вздраст и глаза
с поволокою
Мне никогда не забыть!
Время несется, как кони залетные,
Может быть сбродут
наши мечты,
Кровь успокоится, мысли
улягутся,
Будут лишь грезы одни.

Татьяна
САВЕЛЬЕВА

Мальчишки, не пришедшие
с войны,
Рванувшиеся в бой
не ради славы.
Вы — малой родины
достойные сыны,
Вы — лучшие сыны
большой державы.
Мелькают быстро времени
листы,
Но им вовеки не закрыть
страницу,
Где вашей кровью строки
залиты,
Где подвиг ваш выше
полета птицы.

Надежда
КОЖЕВНИКОВА

Я шла и улыбалась, чему
— не знала я.
Вокруг меня качалась
метели кисель.
Сугробы голубели, и,
как снеговиком,
На озере сидели у лунок
рыбаки.
Лишь чёрный пёс метался
меж ними взад-вперёд,
Наверное, боялся, что снегом
заметёт.
А воробьи презрели перед
метелью страх
И весело галдели
в заснеженных кустах.
Ах, жаль, я не криптолог:
на снежном полотне
Размашистый автограф
оставил кто-то мне.
Вот вроде бы и малость,
а сердцу хорошо...
Я шла и улыбалась, и снег
со мною шёл.

Татьяна
САМУСЕНКО

ПЕРВЫЙ СНЕГ

По заказу — первый снег!
Крыши в белую полоску.
Серый, скучный цвет, неброский
Искушался в белизне.
Снег, спускаясь, призывал:
«Люди, к окнам подойдите,
Первый шаг мой оцените,
Я для вас споризмом стал?»
Невесомый снежный пух
Заполняет дня страницу,
Землю приобнять стремится.
Для неё он добрый друг.
Кто укроет в холода
Мирно спящую природу?
Над землей согрет всходы?
Снег, он в будущем — вода.
Незаметно перешел
День в предзимний синий вечер.
Белый гость, я рада встрече.
Оставшая, хорошо?
Всего-то нужно...

Надежда КОЖЕВНИКОВА

Татьяна укачивала дочь. Семимесячная Аня активно помогала ей.

— У-у-у, у-у-у, — подпевала она маме, успевая при этом причмокивать соской. Однако вскоре сонное уканье стало стихать, соска выпала из приоткрытого ротика, и Татьяна, осторожно переложив ребёнка в кровать, посмотрела на часы. Уже двадцать минут, как сын должен был вернуться из школы. Беспокойство её нарастало, и она уже жалела, что уложила дочь — надо было одеть, взять коляску и пойти встречать Павлика. Жалела она и о том, что согласилась с предложением мужа разрешить мальчику возвращаться после уроков одному.

В конце июля они решили устроить семейный совет, уселись в зале за стол, и муж взял слово. Он торжественно провозгласил, что раз у Павла появилась младшая сестра и теперь он старший, значит, должен подавать сестре пример: не капризничать, слушаться маму, помогать ей в домашних делах, а ещё он может самостоятельно возвращаться из школы домой. Последнее известие обрадовало Павла больше всего, Татьяну же оно огорчило.

— Вот что ты такое говоришь? Он ещё маленький, — упрекнула она мужа, когда мальчик ушёл в свою комнату.

— Для тебя он всегда будет маленьким. Вырастет трусом и слабаком. Не забывай, что ему уже восемь с половиной, а от школы до нас десять минут ходьбы. Пусть привыкает к самостоятельности.

Она тогда только вздохнула, спорить не имело смысла: в вопросах воспитания детей муж был категоричен. Сейчас он там работает себе

спокойненько, а у неё от волнения руки дрожат. Не успела подумать, что через десять минут соберётся и пойдёт встречать сына, как в дверь тихонько постучали. «Павлик!» — Татьяна улыбнулась и открыла. Да, это был Павел. На плече у него висел рюкзац, на шее болтался шарфик, на голове гулькой торчала шапка, а вот куртка на нём не было. «Не может быть, чтобы в раздевалке кто-то перепутал, — засомневалась она, — слишком уж заметная». Куртку Павлу купили два года назад по случаю. Насте Зиминной, коллеге по работе, её привезли из Турции. Однако сыну Насти куртка оказалась мала. Павлу же великовата, но уж очень она ему понравилась: блестящая, темно-синяя, на груди голубой кораблик с парусом, а на застёжке-молнии, манжетах и карманах — модные фликеры*. Решили оставить, пусть постоит, пока он подрастёт.

Павлик носил куртку уже второй год, и новую Татьяна собиралась приобрести только в следующем году. Ну да что это она на всё о куртке?

— Павлуш, ты что, раздетый домой шёл? — Она забрала у ребёнка рюкзац.

— Я шёл одетый. Не волнуйся. И с курткой всё в порядке... Идем покажу...

Павлик взял мать за руку и повёл на кухню. Там, если прислониться лбом к оконному стеклу, можно увидеть, что сидит на лавочке у подъезда. В этот раз на лавке, завернутая в синюю куртку, сидела кошка Чучундра. Видна была только её запрокинутая голова, но даже с высоты пятого этажа было понятно, что кошка блаженствует: полуприкрытые глаза, томное выражение мордашки... Кто-то так ловко укутал её, что создавалось впечатление, будто это куртка сама пустыми рукавами обнимает кошку, а оказавшийся спереди голубой кораблик несёт её в прекрасные неведомые дали.

— Да-а-а, — Татьяна не знала, что сказать.
— Мам, пусть она немного погрееется. Я пообедаю и заберу. Я всё-всё съем, обещаю.
— Мой рюкзак, — Татьяна принялась разогревать обед.

Три года назад, когда они купили эту квартиру, кошка Чуча уже жила здесь. Не в квартире, конечно же, а во дворе, и не заметить её было нельзя. Не то чтобы она была назойлива или злыблва (чем страдают многие представители рода кошачьих) — кошка была очень некрасивой. Тонкие, высокие ноги совсем не сочетались с маленьким, тщедушным телом и треугольной, ушастой головой. Костистая, не шире двух сантиметров, спина и провисший мягкий трыпочкой пустой живот вызывали жалость, а труднопониусный окрас — изумление. Казалось, кто-то взял кисточку и в произвольном порядке разбросал на серо-буро-пепельном телце кошки чёрные, коричневые и оранжевые пятна. Глаза у неё тоже были оранжевыми. В общем, кошка походила на гиену в

миниатюре. Поэтому и имя ей дали такое грубое — Чучундра, сокращённо Чуча. Причём здесь Павел? Притом, что кошка любила детей. Всех.

Но особенно отмечала она своим вниманием сына Татьяны. Если дети собирались у песочницы — знай, где-то рядом Чуча. Дети у качелей — она на соседнем дереве. Сколько раз родители гоняли её, мол, и глισταми, и чесоткой чадушек их заразит, но потом успокоились: невзирая на бездомность, кошка была большой аккуратисткой и чистюлей. К зиме же шерсть на ней распушалась, удлинялась, и Чуча становилась даже симпатичной. Татьяна замечала и раньше, что кошка неотступно ходит за Павлом, встречает его у подъезда, а он приносит ей из школьной столовой котлеты и сыр. Она попыталась вмешаться, поговорить с сыном, мол, не надо её приручать, мол, это не наша кошка.

— Я и не приручал, она сама за мной ходит. Мам, ты же говорила, что надо помогать маленьким, старым и немощным. Если бы ты хоть раз погладила её по спине, то сразу бы поняла, что она немощная, и ... она любит меня, — ответил ей тогда Павел.

— Сынок, я тоже тебя люблю, — Татьяна обняла мальчишка.

— Но ты ещё можешь любить папу, Ано, бабушку, а у неё есть только я.

Татьяна тогда не нашла, что ответить, и попыталась обсудить проблему с мужем. Тот предложил сделать животному положенные прививки и забрать домой. «У нас маленький ребёнок и уличная кошка не станет жить дома», — разнервничалась Татьяна. «Тогда оставим всё, как есть», — подытожил

муж.
«Вот что получается, когда оставляют всё как есть», — думала Татьяна, наблюдая, как сын допивает компот.

Убедившись, что дочка спит, Татьяна вместе с Павлом спустилась забрать куртку. Однако лавочка была пуста. Ни кошки, ни куртки нигде не наблюдалось.

— Чуча! — крикнул Павел, и из-за угла дома тут же высунулась ушастая голова. Увидев, что её зовёт, кошка подбежала, потерлась о ноги ребёнка и снова припустила обратно. Мальчик отправился следом, но тут же, как та кошка, выглянул из-за угла и обеими руками позвал мать к себе.

— Что там, Паша? — спросила она.
— Тихо, тихо, — зашептал сын, прикладывая палец к губам.

Татьяна завернула за угол дома и увидела, что у забора, чуть поодаль, женщина примеряет маленькому мальчику куртку Павла. Куртка была тому велика, однако, лицо ребёнка светилось радостью. Без конца поддерживая длинные рукава, он что-то шептал и улыбался. Рядом, прямо на снегу стояла большая клетчатая сумка. Женщина, присев перед мальчиком на корточки, пыталась застегнуть на куртке молнию, при этом платок съехал у неё с головы, и Татьяна заметила, что она черноволоса. «Цыганка, что ли?» — подумала.

— Смотри, сынок, какая красивая, тёплая и почти что новая! Чистенькая! Есть же люди! Не бросили в мусорку! На лавочку положили! Вот так радость у нас сегодня, правда! — женщина ещё продолжала говорить, но заметив, что лицо сына меняется, встала. Обернувшись, она увидела, что Павел и Татьяна пристально смотрят на них.

— Что? Что? — громко спросила она, и вначале беспокойство, а потом разочарование отразились у неё на лице. Тревожное «что?» толкнуло Татьяну изнутри, и она сказала совсем не то, что собиралась.
— Ничего, — ответила она женщине, — кошку вот выгуливаем. Пошли, сынок, домой, — она взяла Павла за руку.

— Мама! Мама! — воспротивился было тот.
— Идём, идём! Аня может проснуться.

У входа в подъезд Павел остановился:
— Мама, я всё понял... эта куртка... она была мне уже маловата...

— Да, сынок, маловата. Мы тебе новую купим. А тебе, Чуча, сейчас Павел супчика вынесет.

Татьяна больше не хотела говорить о куртке — она поняла, что поговорка «Какие сами, такие сани» — это об их семье и ничего уж тут не поделаешь. Да и не надо ничего делать.

А у Павла в голове вообще никаких чётких мыслей не наблюдалось, там, как и в оранжевых глазах Чучи, разливалась любовь и улыбка тёплая радость.

*Фликер — светоотражатель на одежде.

Елена
ТРУБЕНЁВА

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Вот опять загорелся рябины
Спелым соком густого вина.
Низкие туч серо-синие льдины
Потушить их сумеют едва...
И березы огнем золотистым,
Как гирлянды сияют вдаль,
Наполняя мир светом лучистым
В эти тихие теплые дни!
Осень, будто прощаясь
с любимым,
Всю свою красоту отдаёт,
Перед тем, как отправиться
в зиму
И предстать молодой через год!

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЛЕТА

Мелкий дождик пробежал по веткам,
Сплел в пыли из капелек кружева,
Убегаю в осень наше лето,
Не сказав прощальные слова!
Все длиннее тени вечерами,
Росы холодной в рассветный час,
Что же происходит
между нами?
Предостерегает осень нас!
Что еще не поздно раствориться
В неземной, бездонной синеве,
С коромысла радости скатиться,
Искушавшись в молодой траве.
И дарить друг другу это лето,
Звяв в ладонь горячих
пальцев дрожь,
И бежать бездумно
на край света,
Где поет желтеющая рожь!
И дышать от счастья
полной грудью,
Утонув в сияющих глазах!
Мы такими никогда не будем,
Подгоняют стрелки на часах!
Закрывают тучи неба просинь,
Будет дождик нудно моросить,
На висках зима,
а в душах осень,
Как же за день нам всю
жизнь прожить?!

Светлана
ВОЙТОВА

Всего-то нужно,
чтоб горел огонь
Не только в дожде
и ветреную стужу,
А просто так,
чтоб он со всех сторон
Обгоревал доверчивую душу.
Я так вовлечена в его игру,
Что признанье в своих
деяньях грешных,
И потому без устали смотрю,
Как пламя возгорается небрежно.
А память нечто доброе творит:
Ведь тот, кого уже не будет
рядом,
Сейчас в моём сознание говорит
И даже понимает, что я рада.
Всего-то нужно,
чтоб горел огонь,
Чтоб тлели угольки неторопливо,
Чтоб сжечь все ощущения в ладони
И вмиг себя почувствовать
счастливой.

Я ДУШОЮ ИЗ ГЛУБИНКИ

Я душою из глубинки
Там озимые поля,
Закуточки и ложбинки,
Там — родимая земля.
То, чем я живу поныне,
Всё оттуда вообрала:
Из лесов, цветков польницы,
Из весеннего тепла.
И я знаю, счастье это
Мне даровано судьбой,
Я жила в стране Советов,
Что звала нас за собой.
Там осталось моё детство —
Без забот и суеты.
И бесценное наследство:
Пашни, рощи и кусты.
Не найти на то ответа,
Что волнует в жилах кровь.
Но в краю далёком этом
Я хочу родиться вновь.